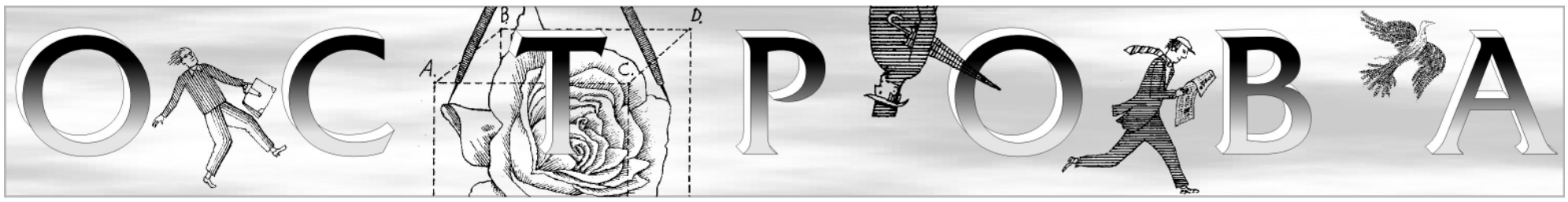


По жизни нужно набегаться

Главный редактор издательства ЛЭТИ Владимир Васильевич Малиновский – Мужчина с большой буквы. В смысле очень высокий и стройный. Три раза в неделю в 7.45 утра он уже отжимает штангу лежа в спортзале ЛЭТИ. При этом философ – когда обстоятельства оказываются сильнее его, говорит: «Господи, дай мне силы изменить то, что я могу изменить, дай мне мужество привыкнуть к тому, что я не могу изменить, и дай мне мудрость отличать одно от другого».

– Владимир Васильевич, Новый год на носу. Когда он из праздника с детскими атрибутами – елка, Дед Мороз, подарки – превратился для вас в нечто философское: желание, допустим, изменить жизнь?

– Наверное, лет после тридцати. До этого была непрерывная работа, аспирантура, думать о таком было некогда. После защиты диссертации психика начала релаксировать. С перестройкой праздник для меня снова померк. Я живу у метро, замучил грохот петард, доходящий до идиотизма. Больно смотреть, как петарды бросают под ноги бабушкам, у которых плохо с сердцем. Очень жалко домашних животных, которые в ужасе забиваются во все углы.

– Будущий год – год Собаки. Исповедуете восточные гороскопы? В чей год вы родились?

– В год Тигра, причем в женский день – 8 марта 1950-го. От скуки эти гороскопы листал, но никаких совпадений не нашел. Кто в них верит – находит.

– Вы питерский интеллигент?

– Питерский. Но я не из родовитой семьи, отец в начале 30-х годов сюда приехал из нищей семьи из Великого Устюга и был согласен на любую работу. Родители познакомились на Кировском заводе, и слова «Кировский завод» до сих пор для меня родные. С теплотой вспоминаю, как друзья отца самоотверженно помогали друг другу. Когда рассказываю об этом поколению молодых, они слабо в это верят. У всех мужчин была бронь – работали на танковом производстве, но они все ушли добровольцами на фронт. Те, кто вернулся, в большинстве своем были перекалеченными, отец был ранен дважды, в том числе в позвоночник, и потерял подвижность.

– Родители вас холили, лелеяли, крылышками хлопали?

– Нет, и отец и мать старались в пределах финансов как-то максимально решить бытовые вопросы, они меня держали очень жестко. Мама меня пасла с работы телефонными звонками – поел или нет? Я приходил домой, делал уроки, брал клюшку и шел во двор играть в хоккей – без коньков, просто в ботинках. Вместо ворот стояли два ящика из-под картошки, вратарей не было.

– Жесткий хоккей?

– Нет, он был достаточно доброжелательный, мы не дрались, играли в спортивный интерес. Летом – баскетбол, настольный теннис. Футболом я не увлекался, потому что был длинным.

– Всегда длинным были?

– В восьмом классе рост был 185 сантиметров, сейчас 188, поэтому у меня случилась целая драма в детстве: я очень быстро вырос, мышечный аппарат не успевал, кость оказалась тяжелой, я был слабым, меня обгоняли все на любой дистанции. Однажды меня все это достало, я бросил баскетбол, в который играл, и стал заниматься легкой атлетикой. Занятия со штангой, возможно, рост прекратили. И я не болтался по дворовым компаниям, а занимался в детской спортивной школе.

– А в обычной школе хорошо учились?

– Окончил школу с двумя четверками, остальные пятерки. Совершенно случайно оказался в ЛЭТИ – на очередном первенстве города среди школьников и учащихся ПТУ я занял первое место по спортивной ходьбе, причем выигрыш был очень забавный – на пяти километрах я выиграл у своего противника 2 десятых секунды. Ко мне подошел представитель ЛЭТИ и спросил: «Будешь в ЛЭТИ поступать по спортнабору?». Я отдышался после финиша и сказал: «Можно». Поскольку я входил в состав сборной команды школьников Ленинграда и мы готовились к 10-й, юбилейной, спартакиаде, из гороно пришла бумага – всех членов сборной освободить от выпускных экзаменов. И мы уехали в Сочи. По спортнабору в вузе я должен был сдавать экзамены 7 июня. Сдавал все пять. В этот момент жил в Левашово на сборах и занимался в свободное от зарядки и двух тренировок время. На все это меня хватало. После зачисления уехал к тетушке в Таганрог. Пришла тревожная телеграмма: «Умер ректор. Приезжай».

– Какое к вам это имело отношение?

– Когда приехал, выяснилось, что спортнабор – это некий сленг, на самом деле речь шла о поступлении на заочное отделение. Мне об этом никто ничего не сказал. Поэтому когда представитель спортивной кафедры пришел ко мне и сказал, что пора выходить тренироваться, я ответил, что самое время заняться учебой. А со спортом я заканчиваю. После первого семестра я перевелся на очное отделение. Прекратил бегать по гаревой дорожке и учился на электрофизическом факультете. А специальность называлась «Диэлектрики и полупроводники».

– Несмотря на случайность, учиться было интересно?

– Да, никогда не раскаивался, что поступил в этот вуз. Гуманитарные науки меня не привлекали, экономика и бухгалтерия – тоже. Да и Институт физкультуры не интересовал. Мама очень хотела, чтобы я стал врачом, но я не мог переносить вида трупов. Если бы мне кто-то сказал, что я после защиты диссертации поступлю на первый курс медицинского института, я бы не поверил. Но, по-видимому, произошли какие-то изменения.

– И какие? Сколько вам лет-то было?

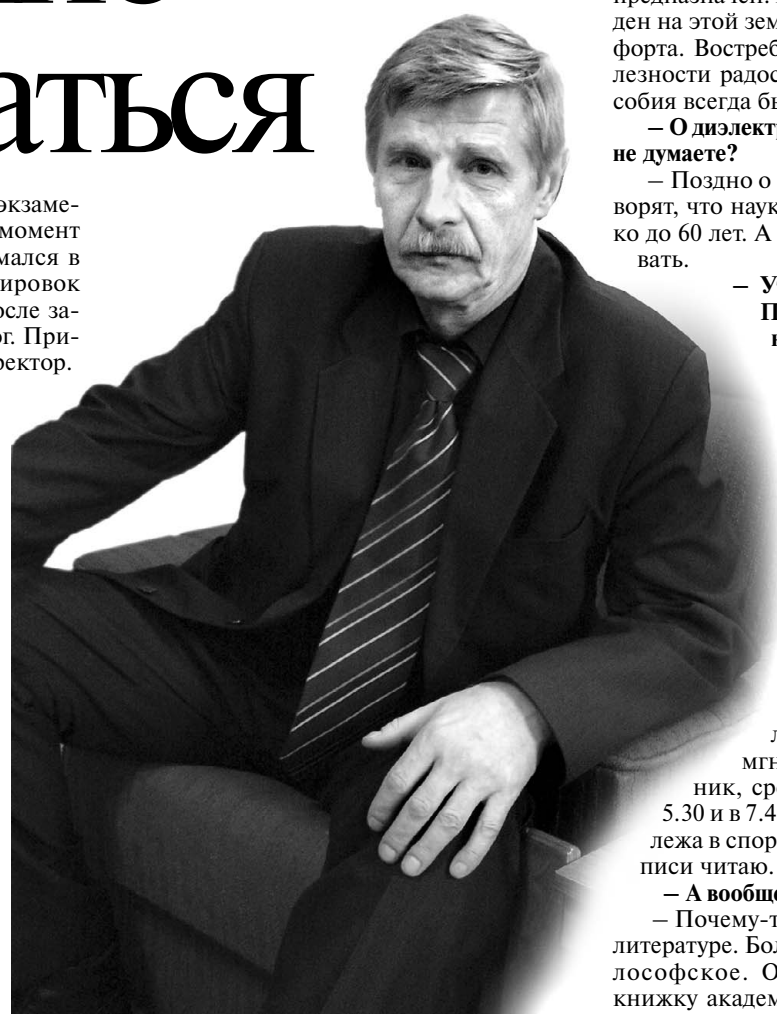
– Я защитил диссертацию в октябре 80-го года. Тема – «Исследование возможности синтеза люминесцентных материалов на основе нитрита калия». Это была экзотика, защитился я «на ура». Но инженер на кафедре получал очень мало, и захотелось какой-то более серьезной и денежной работы. Технические возможности кафедры были тогда ограниченными. Все кустарное, самодельное. Мы таскали на себе баллоны, пилили, строгали, паяли... По этому поводу ходил анекдот – висит объявление, в котором написано: «Для обслуживания гарема иранского шаха требуются евнухи. В порядке исключения могут быть приняты на работу мужчины-импотенты, имеющие справку от врача. Аспиранты третьего года кафедры диэлектриков и полупроводников принимаются без справки». Это была, конечно, шутка, но нервное истощение после такой рукодельной работы было очень сильным. До умственной работы доходили только через полгода.

– А вам хотелось тогда всем этим заниматься?

– На том этапе хотелось, но после тридцати лет я стал подумывать об административной работе и ушел из ЛЭТИ во ВНИИ телевидения. Мои надежды не оправдались, на тот момент там шла сильная политическая борьба, коллектива не получалось, и все это оборачивалось опять тратой времени. И вот тут – до сих пор для меня это тайна – у меня в голове почему-то оформилась мысль: заняться всеми этими дрязгами я еще успею, но пока свободою горим и сердца для чего-то живы, надо попробовать поступить в медицинский институт. Сдал все экзамены и поступил в Первый мед. Мне было 33 года.

– И опять стало интересно?

– Да. Но обстоятельства сложились не лучшим образом – родители были уже совсем не молоды, участковый врач предупреждала, что у мамы аневризма аорты, и она может прожить еще 20 лет, а может умереть в любую секунду. К сожалению, так и случилось. И когда я 8 марта 84-го года пришел домой, увидел плачущего отца. К тому моменту мой первый брак распался, приходилось стирать, готовить, ухаживать за больным отцом, учиться и работать. Началась бессонница, и после первого курса я забрал документы из Меда. В 85-м году вернулся в ЛЭТИ. А с 96-го работаю в издательстве.



– Чем же вы там занимаетесь?

– Я – главный редактор. Основная обязанность – обеспечение издательско-редакционной подготовки учебных пособий. Выпускаем научные журналы – «Известия ЛЭТИ» и «Известия вузов радиоэлектроники». Еще – альманах «Аптекарский остров».

– «В стол» для себя что-нибудь пишете?

– Баловался, как и все, в студенческом возрасте, в стройотрядах. Писал стихи.

– Подражали кому-нибудь?

– Никому не подражал. Занимался ироническим стихосложением, не высокой поэзией.

– Девчонкам в любви объяснялись в прозе или в стихах?

– В прозе. Наверное, неоднократно произносил какие-то короткие фразы, в которых было заключено емкое содержание. Как Горький говорил – чтоб словам было тесно, а мыслям просторно. Вообще меня всегда отталкивали долгие описания природы, как бы мастерски они ни были сделаны. Беседу князя Андрея с тысячелетним дубом я долго не мог прочитать. Недавно мне попалась на глаза «Книга мудрых мыслей», там цитируются строки из письма Толстого Чехову. Толстой пишет: «Пьесы Шекспира скучны. Но ваши еще скучнее». У каждого свои предпочтения.

– Для альманаха героев по какому принципу отбираете?

– Многих героев предлагает главный редактор альманаха Владимир Геннадиевич Павловских. Мне принадлежала идея взять интервью у Юрия Александровича Быстрова. Профессора, заведующего кафедрой, декана, научного работника Быстрова мы все достаточно хорошо знаем. А он рассказывал нам об академической гребле. Получилось увлекательно.

– Подводя промежуточный итог своей 55-летней жизни, получили то, чего искали?

– Не могу сказать, что это то, для чего я предназначен. Бог его знает, для чего я рожден на этой земле. Но не чувствую дискомфорта. Востребованность и ощущение полезности радости добавляют. Учебные пособия всегда были, есть и будут.

– О диэлектриках и полупроводниках уже не думаете?

– Поздно о них думать. Умные люди говорят, что наукой можно заниматься только до 60 лет. А потом нужно философствовать.

– Утро ваше как начинается? Просыпается господин Малиновский, потягивается, принимает душ, надевает халат, пьет кофе... А дальше?

– Каждый день принимаю горячую ванну и холодный душ. К этому меня приучила одна замечательная женщина – врач-пульмонолог. Я, учась в аспирантуре, какое-то время очень долго кашлял. И она посоветовала мне с утра запускать кровообращение. Попробовал – мне это очень понравилось. Голова просыпается мгновенно. Если это понедельник, среда или пятница, я встаю в 5.30 и в 7.45 ложусь на стойку для жима лежа в спортзале ЛЭТИ. Вечером рукописи читаю.

– А вообще читать любите?

– Почему-то охладел к художественной литературе. Больше люблю что-нибудь философское. Очень часто перечитываю книжку академика Микулина, известного авиаконструктора, про его активное долголетие, понимание анатомии, физиологии и психики человека.

– Вам хочется долго жить?

– Нет, мне хочется прожить столько, сколько мне отпущено, но без шаркания состарившимися ногами, без старческой раздражительности. Долго живут люди, которым что-то интересно. А вообще жизнь – такая штука, по которой нужно набегаться. И устать от нее естественным образом.

– Любовь мужчину в тонусе держит?

– Естественно. У меня очень удачно сложился второй брак, к сожалению, нет детей, но семья хорошая. Мы с женой – единомышленники и единочувственники. Нам не скучно друг с другом.

– Жене стихи читаете?

– Она один раз упрекнула меня, когда мы были в отпуске в деревне, что я ей никогда ничего не писал. Опустился густой туман на луг, вид был красивый. И я экспромтом сочинил:

Люблю молочные туманы,
Вечерней нежности часы,
Люблю дыхание Татьяны,
Когда она рукой Дианы
Разгладит рыжие усы...

– Вы прагматичный человек или сумасбродный?

– С годами стал прагматичным. А смолоду были во мне и восторженность, и наивность. Вообще, вспоминая свою жизнь, понимаю, что когда-то совершал поступки, за которые мне сейчас просто стыдно. Но были и такие, которыми могу гордиться. Человек становится нравственным, когда теряет способность грешить.

Беседу вела
Наталья КУЗНЕЦОВА